

SELENA BAIL

ЗМЕЕВИК

КРОВЬ ПРЕДАТЕЛЬНИЦЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книга первая

SELENA BAIL

Кровь предательницы

<https://litres.ru/74262524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в сто лет в ночь Змеевика Полоз приходит в человеческий мир за невестой. Яра считала эту легенду сказкой для запуганных детей — пока сама не оказалась в подземном царстве нагов, объявленная избранницей их владыки.

Ещё вчера у неё была кожевенная мастерская, привычная жизнь и полная уверенность, что змеи из старых сказок не похищают женщин. Теперь вокруг — чужой мир, древний договор и ритуал, от которого, похоже, зависит её судьба. Но Яра не собирается покорно становиться чьей-то невестой только потому, что так решили сотни лет назад.

Чтобы найти дорогу домой, ей придётся понять, почему Полоз пришёл именно за ней — и что связывает её кровь с женщиной, чьё имя наги до сих пор произносят как проклятие.

Содержание

Пролог. Утраченный свиток	4
Глава 1. Змеевик	7
Глава 2. Цепь	24
Глава 3. Царство теней	46

SELENA BAIL

Кровь предательницы

Пролог. Утраченный свиток

Фрагмент из Утраченного свитка Златогорки

«Я пишу это в подземелье, куда не проникает свет.

Стены здесь холодные и влажные. Где-то надо мной мерно капает вода, словно отсчитывая удары сердца. Кап-кап. Кап-кап.

У меня нет ни еды, ни питья. Только перо, чернила, несколько листов бумаги и огарок свечи — всё это стражник тайком передал мне. Он был добр ко мне, этот юный наг с бледно-голубой чешуёй. Я не знаю его имени. Он ещё смотрит на меня без ненависти. Завтра ему скажут, что перед ним — предательница.

Но я должна оставить эту запись. Потому что если я умру, правда умрёт вместе со мной. А я не позволю этому случиться.

Мир не всегда был разделён.

Те, кто правит нами сейчас, хотят, чтобы вы верили в обратное. Они говорят: «Люди и наги всегда были врагами. Змеевик — это дань древней вражде. Традиция, удержива-

ющая мир в равновесии».

Это ложь.

Было и другое время. Я помню те времена — сама застала их. Люди и наги жили вместе: торговали, делились знаниями, дружили, влюблялись и создавали семьи. Я помню человеческий хлеб на нагийских столах и нагийские светильники в домах людей. Помню детей обоих народов, которые бегали по одной дороге и не спрашивали друг друга о крови.

Между мирами не было границы. Была Змеиная Тропа — мост, по которому каждый мог пройти в обе стороны.

Моя мать была человеком, а отец — нагом. Их любовь подарила мне жизнь, и тогда никто не считал моё рождение проклятием.

Но пришли те, кто решил, что чистота крови важнее мира. Они сказали: *«Тот, кто смешивает кровь, — предатель. Тот, кто строит мосты, — разрушитель. Традиция — стена, защищающая нас от чужаков».*

Я пыталась удержать этот мост. Держала его своими руками, своей верой, своей кровью. И я знаю: он не разрушен. Лишь забыт. Он ждёт, когда кто-то вспомнит о нём и первым ступит на Змеиную Тропу.

Я не успела. Я знаю это. Чувствую по холоду, поднимающемуся от пола, по тому, как стражники перестали смотреть мне в глаза.

Меня назовут предательницей. Но пусть тот, кто найдёт эту запись, знает: я не предавала свой народ. Я пыталась спа-

сти его от тех, кто называет себя его защитниками.

И всё же я верю: однажды придёт та, у кого хватит сил.

Она придёт не с мечом — меч умеет рассекать. Она же увидит, что разорванное ещё можно соединить, и отыщет нить там, где другие давно видят только пропасть.

Она восстановит мост.

И тогда Змеевик перестанет быть днём страха и станет днём, когда два мира снова встретятся.

Я верю в это, даже когда гаснет свет.

Златогорка.

Последняя запись».

Глава 1. Змеевик

Из дневника тёти Груни:

*" В День Тишины не запирали двери от людей.
Их запирали от памяти. Потому что память не
спрашивает разрешения войти..."*

Двенадцатое июня в Змеином Угоре называли Днём Тишины. А наступавшую следом ночь – Змеевиком.

Солнце в то утро поднялось над крышами бледное, словно и само пыталось спрятаться. Казалось, оно никак не могло выбраться выше труб, а его свет был жёлтым и мутным, как вода в застойной луже.

С первыми лучами деревня начинала пустеть.

Мужики, кряхтя, затаскивали в дома вёдра с водой и припасы, захлопывали ставни, по несколько раз проверяли засовы. Кто-то в глубине двора лязгнул цепью и затих. Дети, обычно снующие по улице с утра до вечера, сегодня не высывались из-за заборов. Даже собаки, казалось, чуяли что-то: они жались к крыльцам, поджимали хвосты и скулили без причины.

В этот день у нас соблюдали обряды, словно вся деревня держалась на тонкой нити древней веры.

Мужики рассыпали перед порогами соль крест-накрест, загребая её ладонью – «чтобы не прошли», – закрывали колодцы тяжёлыми крышками, тащили скотину в хлев, запирая двери на засов, и втыкали у ворот дополнительные колья. Бабы развешивали над окнами свежие пучки чертополоха и полыни, зажигали обережные свечи и, пока по ним тонкими слезами стекал воск, шептали молитвы. Детей укладывали спать засветло и строго-настрого наказывали не выглядывать в окна, что бы ни услышали или ни увидели, – «чтобы не подвести себя и род».

К полудню каждый дом оказывался стянут берегами, словно правильный порядок действий мог удержать ночь за порогом. Никто не смеялся. Дети не гомонили во дворах. Всё вокруг медленно погружалось в сон.

Когда я была маленькой, бабка рассказывала мне одну и ту же легенду. Раз в сто лет, в ночь с двенадцатого на трина-

дцатое июня, Полоз спускается с гор по руслам рек и крадёт самую красивую девицу в округе. Он зовёт её по имени, манит голосом, а за окном является в знакомом обличье. Тот, кто отзовётся или встретится с ним взглядом, станет его добычей.

Потому у нас существовали свои правила: в ночь Змеевика нельзя смотреть на улицу, нельзя отзывать на зов, нельзя оставлять двери незапертыми. Кто нарушит запрет, тот уйдёт с Полозом.

Тётя Груня повторяла эти правила так, словно от их соблюдения зависела не только моя честь, но и сама жизнь. Я смеялась, уверенная, что легенды придуманы для старых баб и непослушных детей. Впрочем, даже мой смех звучал приглушённо. В Змеином Угоре старые страхи въедались в память, как печная копоть в стены. Вся деревня готовилась к ночи Змеевика.

И только я сидела в мастерской и точила нож.

~~~

Мастерская примыкала к дому, и хозяйство мы с тётей Груней давно разделили. Я работала с кожей — шила сапоги, делала ремни, упряжь и всё прочее, что заказывали односельчане, — а она теперь больше держала на себе дом: топила печь, готовила, следила за хозяйством. Когда-то мастерская была её. Груня сама работала с кожей и у неё же я училась ремеслу, но с годами она понемногу передала работу мне.

Запах кожи – терпкий, густой, с горечью дубильной коры – стоял здесь постоянно. Он въелся в стены, инструмент и мои руки. Я любила его. Резкий, въедливый – зато всегда один и тот же.

Табличку «Закрыто по случаю Змеевика» я повесила ровно в полдень, хотя с тем же успехом могла написать «Закрыто по случаю всеобщего помешательства». Впрочем, одной табличкой подготовка мастерской не ограничилась. Окна обрамляли наличники со старым резным узором. По сторонам от двери висели вышитые рушники и пучки сухой полыни, а над притолокой темнела подкова. На всех этих берегах настояла тётя Груня, не обращая внимания на мои жалобы. Я считала их бесполезными, но снимать не решалась. Не потому, что верила, – просто привычка считаться с чужими страхами укоренилась слишком глубоко.

На верстаке всё лежало по своим местам: ножи — стопкой, иглы лежали в войлочной прокладке, вощёные нити висели мотками на гвоздях. Деревянный шорный зажим, отполированный ладонями до тёплого блеска, ждал работы. Даже подставка для свечи была придвинута ровно настолько, чтобы свет не бил в глаза, но и не скрывал кромку. Я любила порядок. Порядок был понятен. В отличие от людей, кожа никогда не врала.

Обычно в мастерской пахло мокрой кожей, терпким дубильным раствором и дымом от печи. Но сегодня сквозь привычную горечь коры пробивался другой запах – речная

тина. Я нахмурилась, приняхалась и отмахнулась. Река в двух верстах; ветер с неё доносит разные запахи до деревни.

Передо мной лежал почти законченный ремень для дорожного сундука – длинная полоса хорошей чёрной кожи, которую я нарочно выкроила с запасом. Ровно на три обхвата, с надёжной латунной пряжкой. Такой не подведёт в дороге и удержит поклажу даже на разбитой колее.

Под руками всё двигалось в привычном ритме: нож правил край ремня, кисть промазывала кромку клеем, деревянные губки шорного зажима удерживали кожу, игла утягивала вощёную нить. И в этих повторяющихся движениях было что-то успокаивающее. Мир за стенами мог сходить с ума, верить в страшные сказки и захлопывать ставни, а здесь, под моими пальцами, была работа. Порядок. Материя, которую я понимала и могла подчинить.

Я провела пальцем по краю ремня. Гладкий, плотный, без единого заусенца. Шов ровный, шаг частый, кромка натёрта воском и отполирована, чтоб не мохрилась. Пряжка подогнана, отверстия пробиты. Такой ремень прослужит Михаилу не один десяток лет.

Письмо от брата пришло позавчера – его привёз обозный мужик из города. Брат писал мелко и торопливо, уместив всё на обрывке бумаги:

«Яра, меня допустили к последнему экзамену. Сдаю двенадцатого. Господин Верецагин говорит, что из меня выйдет хороший лекарь, но я пока боюсь в это поверить. Я

вспомнил отца — он бы гордился. Ты обещала прислать ремень для дорожного сундука. Не подведи.

Твой брат, Михаил».

Я перечитала письмо раз пять, прежде чем убрать его в карман фартука.

Сегодня мой брат сдавал последний экзамен. К вечеру он мог стать лекарем.

Я представила Михаила в чистом белом фартуке, с серьёзным лицом и копной каштановых выующихся волос, вечно сбитых набок. Лицом он был похож на отца: прямой нос, чуть тяжеловатая челюсть, тёмные брови, которые хмурились даже тогда, когда он улыбался. Он и впрямь был бы похож на икону целителя, если бы не вечно обкусанные ногти на пальцах, которыми ему предстояло перевязывать чужие раны. Я невольно улыбнулась. Пальцы у него были тонкие, но сильные — я помнила их ещё по детству, когда он учился держать иглу. Он всегда нервничал перед важным делом, и ногти всегда были обкусаны до мяса. Но руки не дрожали. Никогда.

Он всегда был умнее меня. Когда отец умер от змеиного укуса, — нелепо и слишком рано, — мне было двенадцать, а Михаилу — шесть.

Я помнила тот день, когда отец не вернулся из леса. Помнила, как нашла его на опушке, уже посиневшего, с двумя маленькими ранками на лодыжке — тонкими, как от иглы. После его смерти мать словно начала угасать. Через год её

тоже не стало. Тётя Груня взяла нас под своё крыло. С тех пор она была нам не просто соседкой или материной подружкой — семьёй.

Годы шли. Я всё увереннее становилась за верстак вместо Груни, понемногу брала мастерскую на себя. Тётя Груня не раз говорила: «Ты как мать. Всё на себе тянешь». Я молчала. Не потому, что была не согласна с ней, — просто не знала, как объяснить, что я делала это не из доблести. Просто кто-то должен был. И кожа оказалась той опорой, на которой держался наш с Михаилом дом.

Брат учился. Сначала в деревне, у старого фельдшера, потом уехал в город. Я помогала как могла: отправляла деньги, передавала вещи, чинила одежду, когда он приезжал на побывку.

Если сегодня всё прошло как надо, к этому часу он уже мог стать настоящим лекарем. Будет лечить людей в городе, носить чистый фартук и выписывать рецепты. А я когда-нибудь стану сидеть у него на кухне и пить чай. Он будет рассказывать мне о своих пациентах и о сложных операциях, а я — о том, какую кожу привезли на последнюю ярмарку.

Я улыбнулась своим мыслям и отложила ремень в сторону, прикидывая шов ещё раз. Отрезала лишнюю нить, оставив хвостик, который подпалю потом, чтобы не распускался. Взяла огарок свечи, провела воском по кромке — по всей длине, ровно, без огрех. Отполировала костяным скребком, пока край не залоснился. И ещё немного повертела его в ру-

ках, любуясь, как свет играет на гладкой коже.

«Осталось ещё чуть-чуть», — подумала я и, выпрямляясь над верстаком, почувствовала, как затекла спина.

За привычной работой время прошло незаметно.

Около трёх часов дня я краем глаза заметила движение у порога подпола. Там сидели крысы. Несколько серых морд выглядывали из щели. Крысы не искали еды и не шарахнулись, заметив меня. Они смотрели через открытую дверь мастерской на улицу, словно чего-то ждали. Я хлопнула ладонью по столу и топнула ногой. Они лишь отступили от порога на несколько шагов и снова замерли, не спеша скрываться в щели и по-прежнему глядя в сторону улицы. Под рёбрами неприятно стянуло. Я сказала себе, что крысы, должно быть, почувяли перемену погоды, и снова взялась за работу. Но пальцы уже не были так спокойны, как раньше — игла шла чуть жёстче, шов получался не таким ровным. Я распоролла несколько стежков и перешла.

Около пяти, когда тени вытянулись, я вышла во двор ополоснуть руки и увидела ещё кое-что странное. У забора грелись ужи — их было пять или шесть, хотя воздух уже остыл, а солнце почти не грело. Они лежали спокойно, подставив спины бледному свету, и не шелохнулись даже тогда, когда я подошла ближе.

Я вернулась в мастерскую с неприятным холодком под рёбрами и никому ничего не сказала. Да и как это объяснить? Ужи не испугались человека — только и всего.

К закату замолкли даже сверчки.

Тишина стала плотной, давящей, будто сам воздух в деревне загустел и лёг на плечи невидимой тяжестью. Я прислушалась: слышно было только собственное дыхание и далёкий плеск реки. И впервые за весь день мне стало по-настоящему страшно.

Тишину нарушил негромкий стук в перегородку. Тётя Груня постучала костяшками пальцев по дереву – её обычный знак: я жива, теперь откликнись и ты.

— Ярослава, — донеслось из-за стены. — Ты бы закрылась, дочка.

— Закрыта я, закрыта, — отозвалась я, откладывая нож.

— Слышала? У Ковалёвых вчера корова отелилась недоноском. К дурному знаку.

— К дождю, — поправила я.

— К Полозу, — убеждённо сказала тётя Груня и затихла.

Я закатила глаза.

Полоз. Змей, что раз в сто лет спускается с горных рек и крадёт самую красивую девицу в округе. Та самая опостылевшая сказочка, которую бабки рассказывали столько раз, что я могла продолжить её с любого места. Я в Полоза не верила. Мне было двадцать шесть, я держала кожаную мастерскую, пережила два пожара и нашествие крыс в амбаре. Полоз с его столетними замашками серийного жениха был где-то в конце списка моих проблем.

Тётя Груня пришла в мастерскую через несколько минут

— в старом фартуке, с мешочком сушёной полыни на поясе и сдержанной тревогой во взгляде. Ей было шестьдесят, хотя жизнь прибавляла на вид ещё несколько лет: глубокие морщины прорезали лоб, собрались у глаз, волосы под платком давно поседели. И всё же даже когда Груня хмурилась, лицо у неё оставалось каким-то удивительно добрым, будто суровость на нём просто не умела задерживаться надолго. Из всех жителей деревни она была для меня больше, чем просто соседкой. Она дружила с моей матерью ещё до нашего рождения, а после её смерти стала нам семьёй, вырастила меня и Мишку. Меня учила работать, Михаила — не путаться у меня под ногами, а обоих — жить дальше, даже когда этого совсем не хотелось. Поэтому отмахнуться от её слов было сложнее, чем от всех деревенских легенд.

— Яра, дочка, не пренебрегай обычаем, — тихо сказала она, присаживаясь на табурет и кладя ладони на стол. — Полос всегда приходит. Моя бабка рассказывала, как при ней в прошлый Змеевик девицу утащили — Мариинку Кузнецову. На камнях у реки нашли только ленту из её косы. А бабкина бабка помнила другой Змеевик — тот, после которого три дома осиротели. Столетний срок нынче выходит.

Пока Груня говорила, я продолжала водить пальцами вдоль кромки, проверяя, не осталось ли шероховатостей. Мои руки делали одно, а мысли всё возвращались к её словам.

Сто лет. Если верить легенде, срок действительно подхо-

дил. Но я не верила.

— Это старая сказка для детей, — отмахнулась я, прижимая ладонь к ремню, где кожа успела остыть. — У меня заказ, Груня. Брат прислал письмо — написал, что сегодня сдаёт последний экзамен и скоро, если все получится, станет лекарем. А в конце попросил сделать ремень для сундука. Я обещала. Не могу же я сидеть без дела изза...

— Ты у меня одна осталась, Ярослава. Мишка в городе, профессию осваивает, а ты здесь одна. Молодая девка, ни отца, ни брата под боком. И не начинай мне про то, что сама за себя постоишь, знаю я тебя. — тётя Груня махнула рукой, не давая мне возразить. — Только мне от этого не легче. Мать твоя наказала мне вас обоих беречь. Хорошо хоть я обереги повесила — от тебя ведь не дождёшься. Но ты хотя бы сегодня из дома не выходи. Ради меня.

Я смотрела на её руки, когда она говорила. Узловатые, натруженные, с тёмными трещинами на ладонях. Я знала каждую выступившую вену, каждый старый шрам на этих пальцах. В голосе Груни звучало уже не привычное ворчание, а материнская тревога, которую я не могла просто проигнорировать. Ради тётки я улыбнулась и кивнула, но про себя уже решила: ещё часок поработаю, потом схожу за водой.

Тётя Груня ушла, а я вернулась к ремню и закончила оставшийся участок. Работа заняла дольше, чем я рассчитывала, но результатом я осталась довольна. Хороший ремень получился. Надёжный. Таким можно привязать сундук к по-

возке, а можно носить самому – и не стыдно показаться в городе.

Я ещё раз осмотрела готовый ремень и, решив, что Михаил будет доволен, свернула его в кольцо и убрала в ящик стола, где уже лежали готовые заказы. Завтра упакую и отправлю с попутным обозом.

Когда я наконец собрала инструменты, пламя свечи уже дёргалось на коротком фитиле. За окном давно стемнело. Пора было запирать мастерскую и затворять ставни, как велела тётя Груня. Я уже потянулась к двери, когда вспомнила, что в ведре пусто. Утром без воды нельзя было ни умыться, ни поставить чайник, а поход к колонке я весь вечер откладывала: сначала закончу шов, потом кромку, потом убегу инструменты. Всё казалось — ещё успею. В итоге дотянула до темноты.

Я выругалась сквозь зубы, взяла ведро и уже у двери зачем-то вернулась к верстаку за шорным ножом.

На всякий случай, сказала я себе.

В Полоза я не верила. Но после крыс, ужей и этой мёртвой тишины выходить наружу с пустыми руками почему-то не хотелось. Нож привычно лёг в карман фартука. Отодвинув засов, я вышла во двор.

Колонка стояла у самой калитки, со стороны улицы, всего в нескольких шагах от крыльца. Мастерская примыкала прямо к дому, а за забором рос старый вяз. По пути к калитке взгляд всё время возвращался к полоске тёплого света, па-

давшей от свечи из приоткрытой двери мастерской.

Ночь была тёплой и влажной, словно дыхание зверя. Над крышами ярко горели звёзды, высоко висела луна — жёлтая, как потускневшая латунь. В воздухе пахло озоном и речной тиной.

Ни ветра. Ни звука. Даже собаки молчали.

Я приоткрыла калитку, поставила ведро под носик колонки и несколько раз качнула тугой рычаг. Металл протяжно скрипнул, и вода тяжело ударила о дно. Когда ведро наполнилось почти до краёв, отпустила рычаг и выпрямилась.

И тогда я услышала это.

Голос.

Он доносился со стороны реки — низкий, обволакивающий, с таким шипением, от которого волосы на затылке встали дыбом.

— Я-ро-ссла-ва...

Я застыла. Сердце ухнуло куда-то вниз, а пальцы так и не коснулись ручки ведра.

Показалось, сказала я себе. Просто ветер с реки.

— Ярославла...

Нет. Ветер не тянет «с» так долго, будто наслаждается каждым звуком моего имени, словно смакует его на языке. Чёрт, да ветер вообще не разговаривает.

Пальцы сами сомкнулись на ручке ведра. Я подняла его и медленно обернулась.

Он стоял в тени старого вяза, и я не сразу поняла, что

вижу. Высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, рассыпавшимися по плечам. Незнакомец медленно склонил голову набок. В темноте блеснули янтарные глаза с вертикальными зрачками. Он смотрел на меня изучающе, и на миг мне почудилось в его взгляде... узнавание?

Я опустила взгляд и увидела, что ног у него... не было. Вместо них — хвост. Длинный, покрытый крупной серебристой чешуёй, он уходил в траву широкими кольцами, приминал её под собой и мерцал в лунном свете, как жидкое серебро. Кончик медленно скользил из стороны в сторону, будто выбирал момент для броска.

Полоз.

Нет. Быть не может. Тот самый Полоз из сказок тёти Груни? Тот, что раз в сто лет приходит за девой? Я ведь не верила ни единому слову. Но что тогда стояло передо мной — с янтарными глазами и серебряным хвостом? Если это действительно он... Значит, Груня всё это время говорила правду? Какого чёрта?

Ведро выскользнуло из моих пальцев. Оно глухо ударилось о землю, и холодная вода хлынула под ноги, мгновенно промочив обувь. Я хотела закричать, но крик застрял в горле, будто залитом смолой.

Я отступила на шаг.

Потом ещё на один.

— Красивая, — произнёс Полоз. Его низкий голос звучал мягко, почти ласково, но от этой ласки по спине пробежал

холод. — Мне о тебе много рассказывали, Ярослав.

— Я не... — Я попятилась, нащупывая рукой калитку. — Ты не существуешь. Ты легенда.

— Легенды существуют ровно до тех пор, пока в них не поверят. — Он слегка склонил голову, и хвост скользнул вперёд, перекрывая мне путь к дому. — А потом начинают требовать то, что им обещали.

Замечательно — подумала я. Теперь, оказывается, ещё и легенды ходят за долгами.

Я метнулась к калитке, но едва занесла ногу над хвостом, как его кончик обвил мою лодыжку. Я потеряла равновесие, вцепилась в столб и закричала:

— Помогите! Тётя Груня! Люди!

За ближайшими ставнями кто-то вскрикнул. Тут же лязгнул засов — один, потом второй. В соседнем доме погасла узкая полоска света.

Полоз прислушался. В уголке его рта мелькнула короткая, почти горькая усмешка, будто всё происходило именно так, как он и ожидал.

— Кричи, — разрешил он. — Они слышат. Но никто не откроет. Змеевик — ночь закрытых дверей.

Он скользнул ближе, не ослабляя хватки на моей лодыжке. Теперь я видела его лицо: резкие скулы, тонкие губы, шрам над правой бровью. Красивое. И оттого ещё более пугающее.

Хвост резко дёрнулся, рванув мою ногу назад, и я рухнула

на колени. Холодная глина вдавилась в кожу, трава прилипла к коленям и подолу, оставляя на одежде тёмные пятна. Я стиснула зубы и попыталась высвободить лодыжку, но хватка на ней только усилилась.

В панике я выхватила нож из кармана фартука и полоснула по чешуе. Лезвие со скрежетом скользнуло по хвосту, не оставив даже царапины.

Полоз рассмеялся — низко и глухо.

— Оссстрая, — сказал он, и в его голосе прозвучал неподдельный интерес. Почти одобрение.

Я замахнулась снова, но он перехватил моё запястье. Пальцы сомкнулись, как стальные кольца, и нож вылетел из руки. Он глухо упал на мокрую землю и отскочил в сторону — недостижимый и бесполезный.

— Ты моя, дева. По обычаю. По крови. По праву, — сказал он, приближаясь всем телом.

Хвост стиснул мою лодыжку и потянул по земле к Полозу. Я вцепилась пальцами в мокрую траву, но лишь содрала ладони о жёсткие стебли.

Он подтянул меня ближе и склонился надо мной. Я невольно подняла голову и встретила с ним взглядом.

Янтарь в глазах Полоза вспыхнул. Тело разом отяжелело и перестало слушаться, будто налилось свинцом. Мир поплыл. В нос ударил запах мокрой земли, озона и чего-то древнего, как само время.

— Ссспи, — прошептал Полоз.

Сознание ускользало, таяло, как воск свечи. Последним в расплывающемся мире остался янтарный взгляд Полоза – пристальный, полный жадного любопытства. А на самом краю сознания промелькнула нелепая мысль: нож так и остался лежать в траве. Очень кстати – единственное оружие в двух шагах от меня, а я уже не могу пошевелиться.

Глава 2. Цепь

Из летописей Змеиного Угора:

«Говорят, в ночь Змеевика сам воздух становится чужим. Он пахнет не сеном и росой, а сырой землёй и речным камнем. И тот, кто вдохнёт этот воздух, уже не будет принадлежать себе. Наши бабки говорили: если проснёшься посреди ночи и почувствуешь этот запах — не открывай глаза. Притворись мёртвой. Может, Полоз пройдёт мимо. Может, не заметит.»

Очнулась я от того, что задыхалась.

Не от удушья — от тяжести самого воздуха. Вокруг было темно, сыро и жарко. Казалось, само пространство давило мне на грудь, налипло на лёгкие, как мокрая шерсть. Воздух

был плотный, влажный, он оседал на коже липкой плёнкой, оставляя на лице и шее ощущение того, что я искупалась в чужом поту. Я попыталась вдохнуть глубже и вместе с воздухом втянула запах сырой земли, горьковатых незнакомых трав и чего-то приторно-сладкого, похожего на мёд, который слишком долго держали над огнём. От этой смеси слегка повело голову, и я на несколько мгновений закрыла глаза, стараясь понять хотя бы самое простое: где я и почему мне так жарко.

Под спиной было мягко, но не настолько, чтобы принять это за постель. Скорее толстый слой шкур или мха, продавленный моим телом и успевший нагреться от него. Где-то вдалеке размеренно капала вода. Звук возвращался глухим эхом, и по нему я поняла, что пространство вокруг гораздо больше, чем казалось в темноте.

Память вернулась внезапно.

Янтарные глаза.

Голос, от которого до сих пор хотелось передернуть плечами.

«Ссспи»

Меня пробрал озноб, совершенно неуместный в этой духоте.

Я ведь не потеряла сознание. Не упала, не отключилась от боли и страха. Он просто посмотрел на меня, произнёс одно слово, и моё собственное тело перестало мне принадлежать.

Эта мысль оказалась хуже самого похищения.

Я пошевелила пальцами, потом осторожно согнула одну ногу. Мышцы отзывались с небольшой задержкой, словно после долгого, слишком глубокого сна, но всё-таки слушались. Я повторила движение другой ногой и только после этого позволила себе медленно выдохнуть. Сейчас тело снова было моим. Хотя бы это.

Я моргнула несколько раз, стараясь привыкнуть к полумраку, и шепотом сказала невидимому потолку:

— Ну, я жива. Уже достижение.

Голос прозвучал чужим и осевшим, но всё же моим.

— Руки-ноги при мне, голова тоже. Всё своё и пока слушается. Будем считать, начало неплохое.

Шутка была так себе, но мне сразу стало немного легче. Юмор помогал не сойти с ума и всегда работал примерно так: ничего не исправлял, зато давал несколько лишних мгновений, прежде чем страх успевал добраться до горла. Когда сгорела первая мастерская, я сказала тёте Груне: «Зато теперь там стерильно, как в операционной». Она не засмеялась. Я тоже. Зато перестала плакать и смогла думать о том, что делать дальше.

Сейчас думать тоже следовало о дальнейшем.

Я попыталась подняться, машинально опираясь руками, и только тогда поняла, что руки не двигаются так, как должны. Опустив взгляд, я увидела что запястья были стянуты. Не верёвкой, не грубой цепью и не ремнём, а тугими серебрястыми лентами, которые переливались в полумраке холод-

ным блеском, как чешуя молодой рыбы на утреннем солнце. Они обхватывали оба запястья, настолько плотно, что между ними и рукой невозможно было просунуть даже ноготь. Я машинально принялась искать соединение, застёжку или хотя бы шов. Ничего. Поверхность оставалась цельной, без единой пряжки или узла.

Я потянула руки в стороны и ленты мгновенно сжались. Боль резанула запястья, и я шипя замерла. Давление тут же уменьшилось, хотя пути никуда не исчезли. Я осторожно пошевелила кистями и попробовала ещё раз, теперь слабее. Результат был тем же, каждая моя попытка дёрнуться заставляла их сжиматься сильнее, впиваясь в кожу с мягкой, почти разумной настойчивостью.

— Умные какие, — пробормотала я все еще хриплым голосом. — Гады.

Может, они и не были живыми, но в тот момент разница казалась чисто теоретической.

Стоило обратить внимание на собственное тело, и оно сразу напомнило обо всём пережитом ночью. Саднили ободранные ладони и колени, ныла лодыжка, которую ещё у калитки сжимал хвост Полоза, а запястье отзывалось тупой болью от его хватки. Кожа помнила, как прошлой ночью, у дома, я рухнула на колени, вцепилась пальцами в мокрую траву и до последнего пыталась вырваться, пока он тащил меня к себе.

Я посмотрела на себя в тусклом голубоватом свете, и с

трудом узнала одежду, в которой ещё недавно ходила по собственному двору. Фартук, ещё недавно чистый и бежевый, теперь покрывали бурые пятна глины и разводы от травы. Подол юбки отсырел от воды и земли, а теперь тяжёло лип к ногам, и от него пахло прелой листвой. Под ногтями забились чёрная грязь, некоторые ногти были обломаны, ладони покрывали ссадины. Волосы почти выбились из косы, спутались и, кажется, к ним пристала хвоя или мелкий сор с того двора. Я была вся в этой земле — в той самой, что осталась там, дома, под вязом.

«Под вязом», — повторила я про себя, и сердце сжалось.

Там, под вязом, в траве, остался мой нож. Хороший нож, я его сама точила, сама подгоняла костяную рукоять, делала зарубки, чтобы ладонь не скользила во время работы.

Потерять его было жалко, но почти сразу я подумала не о нём. В мастерской, в секретном ящике стола, лежал неотправленный ремень для Михаила. Я сама придумала тайник и когда-то ужасно гордилась им. Теперь от одной мысли о нём внутри болезненно сжалось. Я представила, как брат ждёт обоз, как выглядывает на дорогу, как думает: «Яра обещала, значит, пришлёт».

Только теперь не пришлю. Ремень так и будет лежать в ящике, и никто его не откроет, пока тётя Груня не решит проверить, всё ли в доме заперто.

«Прости, Миш. Не успела»

Я закрыла глаза, но память тут же вернула другое воспо-

минание.

Мой крик. Затем свет за ставнями, лязг засова — один, потом второй. Кто-то в ближайшем доме точно слышал меня. Они слышали. Конечно слышали. И никто не вышел.

Тётя Груня тоже была там, совсем рядом. Я почти сразу попыталась представить, что она могла сделать против Полоза, и ответ оказался настолько очевидным, что стало только хуже.

Ничего.

Она ничего не могла сделать. Я понимала это и всё равно чувствовала обиду, которую тут же ненавидела в себе. На глаза навернулись злые, колючие слёзы. Я зажмурилась и несколько раз глубоко вдохнула, пока они отступили.

Нет. Не сейчас.

Полоз забрал меня из дома, связал и притащил неизвестно куда. Но плакать или нет я всё ещё могла решать сама. И сейчас мне больше подходила злость. Она хотя бы позволяла думать.

Я подняла голову и принялась осматриваться уже внимательнее. Помещение было вырублено прямо в скале. Стены были высечены из чёрного обсидиана и уходили вверх, теряясь в полумраке, а через камень тянулись тонкие голубые прожилки светящихся кристаллов. Они вросли в камень, как жилы в тело, и отдавали ровный, холодный свет. Его хватало, чтобы разглядеть убранство: низкое ложе, накрытое тёмной тканью с изумрудным отливом, небольшой резной столик из

темного дерева, на котором стоял кувшин с водой и чаша. На полу лежали шкуры неведомых зверей, серые с синеватым подшёрстком.

Я невольно оглядела всё ещё раз.

«Для пленницы слишком роскошно, для гостьи слишком темно, — подумала я».

— Добро пожаловать в преисподнюю, — пробормотала я.

— Почти угадала.

Голос раздался сзади.

Я дёрнулась так резко, что серебряные ленты на запястьях сразу впились в кожу, но боль почти не заметила. Полоз стоял у стены, наполовину скрытый тенью, и я понятия не имела, сколько времени он находился там.

Наверняка достаточно, чтобы услышать мой разговор с самой собой.

Возможно, достаточно и для того, чтобы увидеть, как я едва не разревелась.

От этой мысли новая волна ярости вспыхнула с новой силой так, что от нее помутилось в глазах.

— Развяжи меня, — процедила я.

— Нет.

Ни паузы, ни сомнения.

— Отпусти меня! — крикнула я громче. Голос сорвался, охрип, но я не дала ему дрогнуть.

— Я требую человеческого обращения! Я — жительница Змеиног Угора! Я...

Слова закончились сами.

Что именно я собиралась ему предъявить? Права жительницы Угора? Правила приличия? Он ночью выкрал меня у ворот собственного дома, и никого особо не интересовало, насколько законно это выглядит. Самое страшное заключалось даже не в этом.

Никто не знал, где я.

Михаил даже не узнает о случившемся, пока тётя Груня не найдёт пустое ведро у колонки и не поймёт, что меня нет. А когда поймёт — что дальше? Груня, с её верой в старые рассказы, наверняка хотя бы знала, где, по легендам, началась Змеиная Тропа. Только по тем же легендам её давно не существовало: дорога между мирами была разрушена и закрыта для людей. Даже если Груня догадается, что Полоз увёл меня именно туда, как ей пройти следом?

Я опустила взгляд, потому что легче было снова заняться путами, чем продолжать эту мысль. Повернула запястья, нащупывая пальцами край серебряной ленты, и попыталась протащить кисть наружу.

Ленты сжались ещё сильнее, вжимаясь в кожу до белых пятен под серебром. Я зашипела от боли и сразу прекратила сопротивляться. Давление ослабло. Ленты не отпустили совсем, но позволили дышать запястьям.

— Чем больше ты сопротивляешься, тем туже они стягивают, — спокойно заметил Полоз.

Я вскинула голову, как раз в тот момент, когда Полоз шаг-

нул в свет.

Вблизи он был ещё более... нечеловеческим. Полоз стоял в проёме, освещённый сзади тусклым свечением кристаллов, и наблюдал за мной. Я видела его силуэт, глаза, движение в темноте. Теперь голубоватое сияние легло на широкие плечи, смуглую кожу груди и рук, тёплого медового цвета. На длинный хвост, который медленно изгибался за его спиной, словно дышал сам по себе, словно у него было собственное сердце. Чешуя на нем переливаясь всеми оттенками серебра и синевы, как рябь на тёмной воде в лунную ночь. Мой взгляд сам задержался на движении хвоста, но я быстро подняла его выше. И почти сразу нашла глазами белый шрам над его правой бровью и устоялась туда.

Не в глаза.

Только не в глаза.

Проверить, сможет ли он ещё раз проделать со мной тот же трюк, я не собиралась.

— Ну что ж, дева, — произнёс Полоз. Его низкий, роко-чуший голос расходился по комнате, как камнепад, становясь ещё глубже из-за эха. — Ты проснулась. Значит, можно начинать подготовку к ритуалу.

— Какому еще ритуалу?

Я выпрямилась настолько, насколько позволяли связанные руки.

— Что тебе от меня нужно? — спросила я. Голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала. Спасибо злости.

Он посмотрел на меня так, будто удивился самому вопросу.

— Ты — моя невеста, дева.

Несколько мгновений я просто смотрела на него.

А потом рассмеялась.

Смех вышел резким, почти истеричным, и от него даже заболело горло, но остановиться сразу не получилось. Он рвался из горла. Смех в этой темнице, смех в лицо своему похитителю это было безумие. Но лучше безумие, чем страх.

— Невеста? — переспросила я, наконец сумев вдохнуть.

— То есть ты меня похитил, притащил сюда, связал и называешь это сватовством? У тебя с головой всё в порядке, змей?

Он склонил голову набок — жест, который я уже начинала ненавидеть. В нём было что-то змеиное, изучающее, будто он не разговаривал со мной, а наблюдал, что я сделаю дальше.

Ну да. Змеиное. Справедливости ради, странно было бы ждать от змея чего-то другого.

— Я тебе никто, — сказала я. — Ни невеста, ни «дева». Я Ярослава, кожевенная мастерица из Змеиного Угора. У меня заказы, клиенты и брат, который ждёт ремень. У меня нет времени на твои ритуалы.

Полоз медленно шагнул вперёд, и свет полностью открыл его лицо.

Он улыбался. Не весело и даже не зло. Снисходительно, почти равнодушно. Так смотрят на муравья, который пыта-

ется укусить.

— У тебя нет ничего. Кроме меня.

От этих слов стало холоднее, чем от каменных стен. Я почувствовала, как что-то болезненно сжалось под рёбрами. И на одно мгновение эти слова оказались страшнее комнаты, пут, державших меня сейчас, и самого Полоза. Потому что часть меня уже успела понять, насколько близко они находились к правде: здесь у меня действительно не было ничего знакомого.

Но это ещё не означало, что он имел право так говорить.

— Отпусти меня, — сказала я, заставив голос звучать спокойно. — Я уйду и никому не стану рассказывать, что видела тебя. Обещаю. Слово Мастера.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

На мгновение в его лице что-то изменилось. Настолько быстро, что я не успела понять что именно, но голос остался ровным.

— Ты здесь потому, что Златогорка из твоего рода заключила договор с нашим Домом. Так записано в законе и архивах. Её кровь связала ваш род с Домом Владыки. Ты — последняя женщина этой кровной линии, по закону именно на тебе лежит долг, который она когда-то приняла. И ты станешь той, кто продлит силу Дома еще на сто лет.

Он говорил спокойно и буднично, словно объяснял условия давно заключённой сделки, в которой всё уже решено и

осталось только исполнить обязательства.

Я же слышала только одно.

Моя кровь.

Сто лет.

Долг.

— Значит, кто-то когда-то о чем-то договорился, а платить должна я?

Я понятия не имела, о каком договоре он говорит. О чём он? Златогорка? Что за ерунда? Я знала о Златогорке. Конечно знала. Но только по семейным рассказам — по имени, да по старой грамоте в сундуке, которую я всё собиралась однажды внимательно прочесть и постоянно откладывала. В деревне о Златогорке у нас рассказывали тоже много странного.

Но договор со змеями?

Долг?

Ни тётя Груня, ни родители никогда не говорили мне ничего подобного. Это должен был быть бред. Я очень хотела, чтобы это был бред.

Я прикусила язык, чтобы не выдать замешательства.

— Я тебе не верю, — сказала я, хотя голос мой дрогнул.

— Обычай древнее твоего неверия, дева. Твой род знал об этом.

— А я, значит, должна просто смириться?

— Хочешь ты этого или нет, теперь твоё место здесь.

— Моё место? — переспрашиваю я. — Ты говоришь обо

мне так, будто меня уже куда-то поставили и решили, кому я принадлежу.

Он хмурится.

— Я этого не говорил.

— Нет. Ты сказал хуже. Ты решил за меня. Я не вещь,

— отрезала я, слова вышли тише, чем я ожидала, но каждое легло между нами как удар.

— Это ничего не меняет.

Он произнёс это без злости.

И именно поэтому мне стало по-настоящему не по себе.

Полоз не угрожал. Не пытался запугать меня намеренно. Он просто верил, что всё действительно устроено именно так: существует долг, существует мой род, существует ритуал, а значит, мой собственный взгляд на происходящее ничего не меняет.

Он сделал ещё один шаг ко мне.

Всего один, но уменьшившееся расстояние между нами внезапно стало ощущаться гораздо сильнее. От него исходил сухой тяжёлый жар, похожий на тепло разогретого камня. Воздух между нами сгустился, вместе с ним вернулся знакомый запах — озон, речной камень, влажная земля. Тот самый запах, который я почувствовала ещё дома, до того как всё пошло наперекосяк.

Я всё ещё старалась не смотреть ему прямо в глаза. И меня вдруг разозлило даже то, что мне вообще приходится об этом думать. Почему я должна выбирать, куда смотреть? По-

чему должна гадать, что именно он сделал со мной там, у вяза — взглядом, голосом или чем-то ещё? Почему вообще вынуждена стоять здесь связанная и слушать, как этот змей рассказывает мне, кем я являюсь и что должна сделать?

Я подняла взгляд. И плюнула ему в лицо.

Полоз замер.

Так резко, что даже его хвост перестал извиваться, застыл, будто его вдруг сковало льдом. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я успела подумать, что сейчас он меня точно прибьёт. Медленно, очень медленно, он провёл пальцем по щеке, стирая слюну. Янтарные глаза потемнели — из золотистых стали тёмными, почти чёрными, и в глубине их что-то вспыхнуло.

Только попробуй, гад.

Я приготовилась. К удару, к проклятию, к тому, что он бросится на меня. И к тому, что тело снова перестанет меня слушаться.

Не случилось ни того ни другого. Вместо этого Полоз вдруг улыбнулся. На этот раз не снисходительно. В его взгляде появилось что-то новое, неприятно напоминавшее интерес.

— С характером, — произнёс он.

— Разочарован?

— Напротив.

Он развернулся. Хвост с тихим шорохом скользил по каменному полу, перебирая чешуёй, когда Полоз направился к

двери, больше похожей на цельную каменную плиту.

— Скуку развеешь, — добавил он, не оборачиваясь.

— Стоять! — крикнула я ему вслед. Голос сорвался, но я не дала ему дрогнуть. — Вернись, змей! Мы не договорили!

— Ты — нет. Я — да.

Каменная плита закрылась.

Я осталась одна в полумраке покоев, со связанными руками и бешено колотящимся сердцем. Несколько мгновений продолжала смотреть на то место, где он только что стоял. Пальцы слегка дрожали, и я сжала их, насколько позволяли путы.

От злости.

Разумеется, от злости.

~~~

Не знаю, сколько времени я просидела на полу, привалившись спиной к обсидиановой стене.

Обсидиан был холодным, сквозь тонкую ткань рубашки я чувствовала его ледяное прикосновение. Серебристые ленты на запястьях тускло мерцали в голубоватом свете кристаллов и время от времени напоминали о себе болью, стоило мне забыть и развести руки чуть шире дозволенного.

Невеста.

Договор.

Златогорка.

Сто лет.

Мысли ходили по кругу, путались, и чем дольше я пыта-

лась расставить их по местам, тем меньше смысла во всём находила. Даже если Полоз говорил правду, с какой стати чужая договорённость должна была стать моей обязанностью? И что именно со мной собирались сделать на этом ритуале? Кровь моего рода должна была каким-то образом продлить силу их Дома. Прекрасно. Только он так и не сказал, сколько этой крови им понадобится — и что после их ритуала останется от меня.

Ответов не было.

Где-то за стеной размеренно падала вода. Кап. Кап. Кап. Постепенно этот звук начал раздражать почти так же сильно, как собственная беспомощность.

— Нет, — сказала я вслух.

Голос всё ещё был хриплым, но теперь звучал лучше.

— Я здесь не умру. Не для того я пережила два пожара, чтобы сгинуть в норе у змея.

Сказанное не превратило меня в бесстрашную героиню и не открыло дверь, зато вернуло одну простую мысль: сидеть и ждать было самым бесполезным из возможных занятий.

Я поднялась.

Колени дрожали. Пришлось подождать секунду, пока ноги вспомнят, как держать меня вертикально. Я сделала несколько шагов по комнате, теперь рассматривая её уже не как человек, который только что пришёл в себя после похищения, а привычнее — как мастер, оказавшийся перед незнакомой задачей.

Ложе. Столик. Кувшин. Чаша. Камень. Кристаллы. Шкуры.

В любой вещи важна не только её форма. Нужно понять, из чего она сделана, как соединена и где может оказаться слабое место. Правда, к серебряным лентам этот принцип пока явно не относился.

В горле пересохло. Я подошла к столику и посмотрела на кувшин. Пить прямо из него со связанными руками можно было только наклонившись и припав губами к краю, что слишком напоминало лошадь у корыта. Поэтому я выбрала чашу. Она оказалась грубой, тёмно-серой, с неровным краем. Я кое-как обхватила её скрюченными пальцами, налила воды и поднесла к губам. Вода была холодной, с лёгким привкусом камня, но сейчас казалась лучшим, что мне доводилось пить. Я сделала несколько глотков. Утолив жажду я собиралась поставить чашу обратно на столик, как вдруг услышала звук за дверью.

Я замерла.

Не шаги. Что-то длинное и тяжёлое медленно скользило по каменному полу. Шорох сопровождался едва различимым перестуком, который неприятно напомнил о чешуе Полоза. Затем послышалось тихое шипение, а потом смех — негромкий, переливчатый смех. Через мгновение заговорили несколько голосов. Слова я не понимала — язык был незнакомым, текучим и певучим, хотя в нём постоянно мелькали мягкие шипящие звуки.

Я задержала дыхание и прислушалась.

Никто не пытался войти. Они просто находились там, за дверью. Может, караулили, чтобы я не попыталась выбраться. А может, не пускали ко мне никого без разрешения Полоза. Или вовсе обсуждали человеческую пленницу, которую их Полоз зачем-то притащил сюда и объявил своей невестой.

Последняя мысль оказалась достаточной. Злость вернулась почти мгновенно.

Я стою здесь связанная, как кукла, даже воды нормально выпить не могу, а они там перешёптываются за дверью, разговаривают обо мне так, будто меня самой нет. Хотелось закричать, но крик был бы слабостью, признанием того, что я боюсь.

Мой взгляд опустился на чашу, и прежде чем я успела как следует подумать, я швырнула её в дверь. Раздался сухой треск. Чаша ударилась о каменную плиту и разлетелась на осколки. Они брызнули по чёрному полу, закружились и наконец стихли.

Голоса за дверью оборвались.

Наступила тишина. Такая глубокая, что я вдруг отчётливо услышала собственное дыхание и шум крови в ушах.

— Вот и поговорили, — тихо сказала я.

Потом взгляд зацепился за один из крупных осколков. Что-то в нём показалось странным.

Я опустилась на колени. Осколки хрустели под подолом юбки — острые, с неровными краями. Самый крупный был

длиной примерно в половину ладони. Руки, стянутые лентами, двигались неуклюже, но я всё же ухватила его и сразу нахмурилась.

Это была не обычная керамика. Материал оказался слишком тяжёлым. На изломе не было привычной зернистости обожжённой глины — внутри шли тонкие слои, один над другим, почти как чешуя. По самой кромке мерцала тусклая серебристая прожилка. Я провела большим пальцем рядом с краем и тут же отдёрнула руку. Он неприятно резанул кожу, и на ней выступила капля крови. Я зашипела, но не выпустила осколок, решив осмотреть его внимательнее. Острый. Причём намного острее, чем должен быть случайно разбитый край обычной чаши. Если немного обработать его о камень, можно получить вполне приличный резак. Не нож. Но выбирать не приходилось.

Сначала стоило проверить самое очевидное.

Я оглянулась на дверь, прислушиваясь к звукам за ней, но там по-прежнему было тихо.

Вернув взгляд на запястья, я посмотрела на ленты. Они тускло мерцали в голубом свете кристаллов — гладкие, плотные, живые. Повернув руки так, чтобы одна из лент оказалась сверху, я приставила к ней осколок и осторожно надавила. Край вошёл в неё мягко, будто в тёплый воск. Я замерла и надавила сильнее.

Лента дёрнулась.

Не разорвалась, а именно дёрнулась, как живая, и в сле-

дующую секунду сжалась вокруг моих рук так резко, что я вскрикнула. Края ленты вспыхнули серебром, и осколок вылетел из ослабевших пальцев, звякнув о камень.

— Чтоб тебя, — выдохнула я, тряся руками.

Запястья горели. Под лентой быстро наливался красный след, похожий на ожог, а по самой её поверхности в месте пореза пробежала тонкая серебристая искра и почти сразу угасла. Сама лента осталась целой. Не лопнула, даже не поцарапалась. Я выругалась ещё раз и уже хотела отбросить бесполезный кусок подальше, когда остановилась.

Что-то не сходилось.

Я мысленно повторила движение: осколок коснулся ленты, вошёл в неё, она дёрнулась и только потом сжалась. До этого... Я опустила взгляд на запястья. До этого она на мгновение ослабла. Совсем чуть-чуть, но я почувствовала. Будто мышца, которую резко ударили в нужное место и заставили на секунду потерять силу. Значит, дело было не только в остроте. Что-то в этом странном материале влияло на путы. Пока недостаточно, чтобы разрезать их, но влияло.

Я медленно подобрала осколок.

— Ничего, — пробормотала я, поворачивая находку в пальцах. — Я ещё найду способ, как тебя перерезать.

Теперь осколок следовало спрятать.

Быстро, насколько позволяли путы, я подобрала осколок с пола, вытерла его о подол и решила, что было бы неплохо его чем-то обернуть. Взгляд упал на фартук. Связанными рука-

ми оторвать полоску от внутреннего края фартука оказалось непросто, но после нескольких попыток ткань всё-таки поддалась. Я осторожно обернула камень, особенно стараясь закрыть острую кромку, и глубоко сунула его в складки юбки.

Не самое надёжное место, но лучше, чем носить голый острый край возле бедра.

Опустившись на колени, я кое-как сгребла локтями остальные куски чаши, и затолкала их под ложе, подальше от глаз. Если кто-нибудь решит обыскать комнату, найдёт их сразу. Однако я надеялась, что мысль искать оружие в юбке связанной человеческой девчонки покажется местным достаточно нелепой, чтобы до неё не додуматься.

После этого я поднялась и села на ложе. Обхватив колени связанными руками, я невидящим взором уставилась в темноту. Потом перевела взгляд на свои руки. Запястья всё ещё пульсировали от ожога, а спрятанный осколок холодил бедро через ткань, и это ощущение почему-то успокаивало гораздо сильнее, чем должно было.

— Посмотрим, кто кого, — прошептала я. — Посмотрим, змей.

Где-то в глубине скалы снова закапала вода. Кап. Кап. Кап.

Я легла на кровать, закрыла глаза и почти сразу почувствовала, как усталость начала забирать свое. Сознание медленно стало утекать, как вода, погружаясь в сон без сновидений. Но даже во сне я чувствовала, как осколок давит на

бедро.

Не оружие. Пока нет.

Первая настоящая надежда на спасение.

Глава 3. Царство теней

Из Песни Первой Змеи:

«Когда мир был молод, Полоз услышал человеческий смех и позавидовал ему. Он решил забрать этот смех себе. С тех пор люди, которых уводили вниз, забывали, как смеяться. Они забывали, как пахнет дождь. Они забывали имена тех, кого любили. Но некоторые — помнили. И тех Полоз боялся больше всего.»

Проснулась я от света.

Не от солнечного — окон в комнате по-прежнему не появилось, — а от мягкого голубоватого сияния, разливавшегося по стенам. Кристаллы, ночью тусклые и почти бесцвет-

ные, теперь светились ярче и будто едва заметно пульсировали в глубине чёрного камня. Выходит, у нагов тоже был свой рассвет. Просто не золотой, а синий.

Я пошевелилась и только тогда заметила, что запястья свободны. Серебристые ленты, что еще вчера сковывали мои запястья, исчезли так же внезапно, как появились. Они просто растаяли, оставив на запястьях красные следы и тонкую полосу ожога там, где я пыталась разорвать путы осколком. Может, они были рассчитаны на ночь, на сон, чтобы я не сбежала, пока Владыка не даст новых указаний?

Я медленно повернула руки ладонями вверх, затем обратно. Значит, держать меня связанной до самой свадьбы они всё-таки не собирались. Уже достижение.

Первым делом я нащупала складку юбки. Свёрток был на месте. Только почувствовав под пальцами твёрдый край спрятанного осколка, я позволила себе выдохнуть. Глупо было так радоваться куску разбитой чаши, но за одну ночь он успел стать единственной вещью здесь, которая принадлежала только мне и о существовании которой никто другой не знал. Я поднялась на локтях и села, осматривая пространство вокруг.

Покои, в которых меня заперли, оказались... роскошными. Этого я вчера не заметила — слишком темно, слишком страшно, слишком хотелось вырваться. Но сейчас, при ярком голубом свете, мои покои выглядели иначе. Не менее чужими — зато теперь я могла рассмотреть то, что ночью те-

рялось в полумраке. По гладкому чёрному камню стен тянулись серебристые прожилки, вспыхивавшие между кристаллами тонкой паутиной. Ложе оказалось шире, чем мне помнилось, и было застелено тёмно-зелёным шёлком, прохладным даже там, где на нём лежало моё тело.

Я скользнула взглядом по комнате и заметила дверь, которую вчера пропустила. Она пряталась в дальнем углу покоев.

Я поднялась с кровати. Ноги слегка подогнулись, и пришлось ухватиться за край ложа, пережидая слабость. Несколько вдохов спустя голова перестала кружиться и, переждав несколько ударов сердца, я направилась к двери. Та поддалась от одного прикосновения. За ней находилась небольшая купальня. Большое каменное корыто — нет, скорее купель — была вырублена прямо в полу. Из стены над ней выступал латунный кран в виде змеиной головы с раскрытой пастью. Рядом лежала стопка серых полотенец с длинным ворсом, и стоял небольшой кувшин из тёмного стекла. А возле купели лежало аккуратно сложенное платье.

Я остановилась на пороге.

Значит, пока я спала, сюда кто-то входил. Прекрасно.

Я невольно оглянулась на ложе. Мысль о том, как неизвестный наг бесшумно входит в комнату, пока я лежу без сознания, кладёт одежду и так же спокойно уходит, была неприятной, но не неожиданной. Впрочем, удивляться было нечему. Вчера мне уже достаточно доходчиво объяснили, насколько высоко здесь ценят моё право распоряжаться собой.

Я подошла к платью и подняла его.

Ткань оказалась лёгкой, почти невесомой, серо-голубого цвета — в тон утреннему сиянию кристаллов. Сверху платье выглядело почти привычно: широкие рукава сужались к запястьям, свободный лиф стягивался на груди тонкими шнурками. Никаких корсетов, которые были модными в Городе, никаких хитрых застёжек, которые невозможно затянуть без чужой помощи. Либо мне действительно выбрали самое простое, либо наги хотя бы в одежде понимали, что человек может захотеть одеться самостоятельно.

Но подол сразу выдавал, для кого это платье сшито.

Он был не ровным, а скошенным, с глубокими разрезами по бокам. Я провела пальцами вдоль одного разреза и невольно усмехнулась. Конечно. На человеческой юбке такой покрой выглядел бы вызывающе, зато на теле нага был необходим: без таких разрезов ткань неизбежно собиралась бы складками на толстом змеином хвосте, цеплялась за чешую и мешала движению. Здесь же полы должны были свободно расходиться по бокам. Всё было продумано для тела, которого у меня не было.

Сзади ткань опускалась почти до щиколоток, а спереди едва прикрывала колени, оставляя ноги открытыми. По краю подола тянулась вышивка серебряной нитью — мелкая, похожая на чешуйки, и при каждом движении они вспыхивали холодными искрами.

Я провела пальцем по ткани. Она была мягкой, плотной

и не просвечивала. Вывернув край платья я осмотрела швы. Работа была добротной, но без души. Стежки ровные, ткань хорошая, но нить я выбрала бы потолще, а нижний край непременно прошла бы дважды. Так он быстро начнёт распускаться, особенно если платье действительно рассчитано на хвост, который постоянно тянет ткань при движении.

Впрочем, моего мнения портной не спрашивал. Как и никто другой здесь.

— Ладно, — сказала я вслух. — Хоть не голая.

Голос прозвучал глухо, отражаясь от стен пустой комнаты. Я почему-то прислушалась, будто ждала ответа, но вокруг была тишина.

Я вышла из купальни, пересекла спальню и подошла к двери, что служила выходом из покоев. Взялась за холодную ручку, потянула на себя. Заперто.

— Что и следовало ожидать.

Во всяком случае, мир снова вёл себя предсказуемо.

Я вернулась в маленькую комнату к купели и повернула латунную голову змея на кране. Из раскрытой пасти сразу хлынула прозрачная вода с лёгким паром. Я поднесла пальцы под струю воды. Не кипяток, в самый раз. Похоже, наги знали толк в горячем водоснабжении. У нас такую роскошь могли позволить себе разве что самые богатые дома в Городе, да и там воду чаще таскали вёдрами и грели отдельно. Наги, похоже, решили поселиться под землёй и заодно избавиться себя от половины человеческих бытовых мучений.

Купель наполнялась удивительно быстро. Когда воды набралось достаточно, я опустила ладонь и почувствовала необычную мягкость, словно в неё что-то добавили. Я поднесла мокрые пальцы к лицу. Пахло травами — горьковатыми, свежими, немного пряными. Тот же запах я чувствовала вчера, когда впервые очнулась здесь, только теперь, без страха и духоты, он казался почти приятным.

Я уже начала расшнуровывать одежду, когда вспомнила про осколок. Оставлять его в старой юбке было нельзя. Если сюда входили, пока я спала, значит, могли войти и снова. А кусок странной чаши был пока единственным, что хоть немного повлияло на магические путы. Возможно, единственным шансом когда-нибудь освободиться, если меня снова свяжут. Отдавать такой шанс чужим рукам я не собиралась.

Я вернулась в спальню. Мне нужно место, куда никто не заглянет случайно и которое одновременно я сама смогу найти в любой момент. Дыр в стене не наблюдалось, да и место довольно очевидное, сундука в покоях не было, а если бы и был, то его вскрыли бы при первой же проверке. Я двинулась в сторону кровати, перебирая возможные укрытия и тут же отбрасывая одно за другим. Под матрасом — слишком очевидно, если сменят бельё, сунут нос обязательно. Между шкурами — лучше, но шкуру обычно переставляют, чтобы проветрить или перестелить: заметят, если перевернут. Всё это отсеивалось быстро, как при выборе инструмента: либо

крепко, либо совсем не годится.

Нужна щель, узкая и глубокая, спрятанная от глаз, но доступная для пальцев. Я началась с осмотра основания ложа. Обошла его рукой по периметру, провела ладонью по холодному камню, ощупывая швы и стыки. Опустившись на колени возле его массивного каменного основания, начала ощупывать пол ближе к изголовью. Он оказался не таким ровным, как казался: в углу, где плита слегка отступала, образовалась узкая щель — едва шире моего мизинца, но достаточно глубокая, чтобы вместить свёрток. Пальцем провела по краю; камень там был прохладен и сух, внутри слышались крошечные неровности — будто пустота, которую можно заполнить. Именно то, что нужно: не бросается в глаза, но позволит надёжно спрятать маленькую вещь.

Я плотнее завернула осколок в ткань и протолкнула свёрток внутрь. Потом ещё немного. И ещё. Наконец он упёрся во что-то в глубине. Я внезапно обрадовалась малому размеру осколка: он казался теперь большой удачей. Я несколько раз проверила тайник, потянула за свёрток снаружи, чтобы убедиться, что он сидит неподвижно, ничего не торчит, и нигде не видно края ткани. Наклонилась, всматривалась в щель. Там виднелась лишь тонкая черная линия и ничего более. Только после этого, когда осколок был спрятан и сердце немного успокоилось, я позволила себе вернуться к воде.

Я разделась и осторожно опустилась в купель.

Тепло сомкнулось вокруг тела.

Первое мгновение я просто сидела, не двигаясь, потому что вода оказалась почти неприлично приятной. Мышцы, всю ночь остававшиеся напряжёнными даже во сне, постепенно начали отпускать. Я провела ладонью по руке и по поверхности воды потянулся мутный след. Я посмотрела на него и невольно поморщилась.

Вот, значит, сколько вчерашнего я принесла с собой.

С ладоней потянулись бурые разводы засохшей земли. Я долго оттирала пальцы, вычищая грязь из-под обломанных ногтей и стараясь не задевать ссадины. Травяная вода щипала повреждённую кожу, зато грязь наконец сходила. С колен сходила въевшаяся глина, с голени — засохшая земля и трава, оставшиеся после того, как прошлой ночью Полоз тащил меня у ворот.

Потом дошла очередь до волос. Они оказались ещё хуже. Я распустила то, что осталось от косы, и принялась разбирать спутанные пряди пальцами, вытаскивая сухие травинки и мелкий сор. Вода вокруг меня постепенно мутнела, зато с кожи наконец уходил запах земли, пота и той ночи.

Последнее оказалось важнее всего.

Только тогда я поняла, насколько мне не хватало самого простого ощущения — быть чистой. Я провела ладонью по плечу, потом по шее и медленно выдохнула. Земля, липкая духота прошлой ночи, чужие запахи — всё это наконец уходило с кожи. Синяки никуда не делись, на запястьях алели полосы от магических пут, а на лодыжке темнел след от хво-

ста Полоза, но собственное тело хотя бы снова ощущалось моим.

Я откинула голову на каменный край купели, закрыла глаза, и позволила себе несколько минут просто дышать. Хорошая вода не делала это место менее похожим на тюрьму. Но отказываться от неё назло похитителю было бы совсем уж глупо.

Я провела рукой по воде. На поверхности остался серебристый след, похожий на рыбу чешую.

— Интересно, что вы туда добавляете, — пробормотала я.

Потом вспомнила, что разговариваю сама с собой в купели подземного царства, и усмехнулась. Определённо, я схожу с ума быстрее, чем предполагала. Если так пойдёт дальше, скоро начну давать имена кристаллам.

Я выбралась, когда вода начала остывать. Полотенце оказалось неожиданно хорошим — чуть грубоватым, зато прекрасно впитывало влагу. Вытеревшись, я наскоро перебрала пальцами волосы и взялась за платье.

Надевать его было непривычно.

Шнуровка на груди — человеческая, знакомая. Я затянула её, как затягивала рабочий фартук в мастерской: быстро, по памяти, не глядя. Но стоило расправить подол, как ткань скользнула по бёдрам, спереди остановилась у колен, а по бокам раскрылись глубокие разрезы, обнажив ноги почти до середины бедра. Для нагини — наверняка совершенно обычная одежда. Для меня — ощущение, будто я забыла

половину юбки. Я несколько раз одёрнула ткань, прекрасно понимая, что длиннее она от этого не станет.

На гладкой чёрной стене угадывалось отражение. Не зеркало — просто тёмный силуэт с размытыми чертами. Я подошла ближе.

Тёмные волосы до пояса ещё оставались влажными. На скулах проступали веснушки, зелёные глаза казались темнее обычного, а губы были сжаты в упрямую линию. Простое лицо. Никакой «самой красивой девицы в округе», ради которой стоило тащиться через полмира. Просто я. Злая, невыспавшаяся и одетая в платье, рассчитанное на женщину со змеиным хвостом.

Вот это уже походило на правду.

Серо-голубая ткань платья мягко облегала фигуру, спереди открывая колени, а сзади почти касаясь щиколоток. Моего роста оно всё равно не скрывало: я вышла без малого в два аршина и шесть вершков, и даже самый хитрый покрой не сделал бы меня ниже или беззащитнее. Но все равно я выглядела как... ну, как пленница, которую переделали в чистое. Примерно так я себя и чувствовала.

Я невольно посмотрела на дверь. Зачем мне вообще принесли чистую одежду, оставалось только гадать. Может, просто решили наконец избавить ритуальную невесту от грязного тряпья. Может, собирались куда-то вести. У местных была замечательная привычка сначала распоряжаться моей жизнью, а потом — если повезёт — сообщать об этом мне.

Я ещё раз одёрнула подол и в этот момент дверь распахнулась. Вот так просто — без стука или предупреждения.

Я резко обернулась.

На пороге стоял наг с тусклой болотно-зелёной чешуёй и выражением лица человека, которого оторвали от завтрака ради крайне неприятной обязанности.

Если бы, конечно, он был человеком.

По сравнению с Полозом этот наг казался меньше, хотя определить рост нага было непросто. Верхняя половина тела могла бы доставать мне примерно до подбородка, если бы он стоял на человеческих ногах, но наги не стояли. Их длинный хвост постоянно вился, изгибался, то приподнимая хозяина, то опуская ниже, и понять, какой у них настоящий рост, было невозможно.

Чешуя нага была тусклой, зелёной, с бурыми пятнами на плечах, будто на неё когда-то пролили ржавую воду и так и не отмыли. Глаза у него были жёлтые, с круглым зрачком — не таким хищным, как у Полоза, скорее ленивым. Он смотрел на меня без интереса, как на мебель, которую велено переставить. Пахло от него рыбой. Не свежей. Я едва удержалась, чтобы не поморщиться.

Наг склонился в коротком поклоне, явно считая сам жест лишним. И именно тогда я заметила странную деталь.

Когда он поклонился его хвост дёрнулся, смещая чешую. В том месте, где тело переходило в хвостовую часть, на свет выступили пластины. Чешуйчатые, плотные, они накладыва-

вались друг на друга, как панцирь, не гибкие, как остальная чешуя, а жёсткие, с заметными рёбрами. Они закрывали пах — или то, что у нагов было вместо него, — и я поймала себя на мысли, что это похоже на доспех. Или на защиту.

Я не знала, был ли это намёк на пол или просто анатомическая особенность этого нага, но взгляд зацепился. Пластины были темнее основной чешуи, почти чёрные, и, когда хвост перестал двигаться, они снова сомкнулись, спрятавшись под общим покровом. Тут же, на поясе — или том месте, где у него начинался хвост, висела портупья. Вот это было уже понятнее.

Тёмная кожа, грубо прошитая жилами, с металлическими заклёпками, потускневшими от времени. К ней крепились короткие изогнутые ножны, повторявшие линию тела. Из них выступала костяная рукоять, обмотанная сыромятным ремешком. Не меч и не кинжал, а что-то среднее, похожее на широкий нож-тесак, предназначенный для ближнего боя. Я, как человек, работавший с кожей и инструментами, оценила: лезвие было наточенным, и ножны сидели плотно — не выпадет даже при резком движении.

От разглядывания нага, которое явно затянулось, меня оторвал звук. Наг выпрямился и, видимо, не дождавшись моей реакции, кашлянул:

— Владыка ждёт тебя, госпожа.

Я подняла бровь.

Значит, платье всё-таки было не просто заботой о чистоте.

Хорошо, что осколок остался в щели под ложем.

— А если я не хочу к Владыке? — поинтересовалась я.

— У Вас нет выбора.

— Мне начинать привыкать к этой фразе?

Наг не ответил. Разумеется.

Я вздохнула и прошла мимо него в коридор, нарочно оказавшись на полшага впереди.

Но а про себя отметила: надо будет узнать про эти пластины, когда появится такая возможность. Наверняка тут есть библиотека. Пока я не нашла способ выбраться отсюда, мне стоило понять, как вообще устроены наги и чем отличаются от людей. Если придётся защищаться, пригодится всё.

Наг двинулся следом. Я пошла по коридору, стараясь одновременно не глазеть по сторонам слишком откровенно и запоминать всё, что могла: двери, повороты, развилки, расстояние между ними. Если придётся идти этим путём одной, я должна хотя бы понимать направление.

После очередного поворота коридор внезапно раскрылся в огромный зал и то, что предстало моим глазам, заставило меня замереть на месте.

— Идём, — буркнул наг, не оглядываясь, и я, очнувшись, поспешила за ним, продолжая цепляться взглядом за ориентиры.

Впервые с момента похищения страх отступил достаточно далеко, чтобы на его месте появилось чистое удивление.

Царство нагов простиралось под землёй, но тьмой оно не

было.

Царство нагов простиралось под землёй, но это не была тьма.

С потолка, терявшегося высоко над головой, свисали огромные белые сталактиты, излучавшие мягкое голубоватое сияние. Вдоль каменных стен росли лианы с серебряными листьями, и при малейшем движении воздуха они тихо шелестели. Внизу, в глубоком русле, текла река. Вода в ней фосфоресцировала синим, а над поверхностью воды поднимался лёгкий туман, стелющийся вдоль берегов, как дымка над утренним лугом.

Я медленно вдохнула. Подземный воздух пах влажным камнем, водой и травами.

Красиво. Так красиво, что это почти раздражало. Тюрьма не должна была выглядеть так.

До вчерашнего вечера я не видела ни одного, кроме Поллоза, а теперь они были повсюду: тёмные и светлые, с серебряной, красной, золотистой чешуёй. Одни несли корзины с фруктами, другие — свитки, оружие, какие-то свёртки. Несколько нагов разговаривали у стены, переплетая хвосты вокруг каменных выступов, словно люди, прислонившиеся к забору. Повсюду звучала незнакомая речь. Мягкая. Певучая. Полная шипящих звуков

— Ш-шерш-ш-ша... — донеслось до меня. — Иш-ши, с-с-смотри, человек...

Вот это я поняла и без знания языка. На меня смотрели.

Кто-то просто из любопытства, кто-то с откровенной неприязнью. Одна молодая нагиня с бледно-голубой чешуёй проводила меня взглядом и демонстративно сплюнула в сторону.

Я улыбнулась.

— Доброе утро, — сказала я ей. — Тоже не выспалась?

Нагня оскалилась, обнажив мелкие острые зубы, и зашипела. Мой сопровождающий дёрнул меня за рукав.

— Не провоцируй, госпожа.

Я посмотрела сначала на его пальцы, потом на него. Он руку убрал.

— Я? — невинно спросила я. — Я сама вежливость. По выражению его лица было видно, что он уже начинает жалеть, что ему досталось именно это поручение. Стало чуть веселее. Мы прошли ещё несколько залов. Я всё это время запоминала дорогу, пока перед нами наконец не появились огромные двери, возле которых стояли двое вооружённых стражей. Створки бесшумно разошлись. Я шагнула внутрь — и сразу поняла, куда меня привели.

Тронный зал.

Он был не построен, а словно вырезан из самой горы. Потолок терялся где-то в темноте, и оттуда свисали сталактиты. Не белые, как в коридорах, а чёрные, с золотыми вкраплениями, поблёскивавшими в свете кристаллов. Вдоль стен тянулись вверх массивные колонны, обвитые серебряными лианами, между ними горели синие, фиолетовые и тёмно-крас-

ные камни. Пол был чёрным, отполированным до зеркального блеска, и в нём отражался весь зал, создавая иллюзию, что под ногами бездонная пропасть. На мгновение возникло неприятное ощущение, будто ступаешь по тонкому стеклу. Я невольно замедлилась, и каждый шаг отдавался тихим эхом, а в отражении под ногами шла вторая Яра.

В самом центре зала поднималось возвышение из семи ступеней. На нём стоял трон. Он был вырезан из цельного куска обсидиана — чёрного, с радужными разводами, которые переливались при каждом движении света. По высокой спинке тянулась резьба — переплетённые змеи ползли к солнцу, сложенному из янтаря. На концах подлокотников застыли змеиные головы с глазами-гранатами.

А на троне сидел он. Владыка.

При таком свете рассматривать его было гораздо удобнее, чем ночью. К сожалению, он был красив. Эта мысль пришла первой и сразу меня разозлила. Красив не так, как красивы человеческие мужчины. В нём было что-то слишком резкое, слишком чужое. Хищное.

Чешуя длинного хвоста переливалась холодными оттенками: серебром, сталью и густой темной синью. Каждая пластинка плотно прилегала одна к другой, создавая броню, которая при движении позвякивала, как мелкие монеты. Хвост обвивал подножие трона и уходил в тень, а сам кончик двигался медленно, почти лениво. Как будто хозяину некуда было спешить.

Выше пояса он действительно казался почти человеком. Почти.

На смуглой коже плеч и предплечий лежал лёгкий металлический блеск — приглядевшись, я поняла, что это крошечные чешуйки, настолько мелкие, что издали их можно было принять за кожу. Через грудь от левой ключицы к правому боку спускалась полоса более крупной тёмно-синей чешуи, исчезающая ниже. Теперь я заметила и такие же жёсткие пластины, какие увидела у стражника. Только у Владыки они были серебристо-тёмными. Значит, всё-таки общая анатомия. Полезно.

Я подняла взгляд выше. Руки его покоились на подлокотниках. Пальцы были длинные, с острыми ногтями, на костяшках мерцала мелкая чешуя. Мышцы плеч и предплечий проступали чётко, но без излишней массивности — он был гибким, текучим, как вода в горном русле. Всё в нём казалось рассчитанным скорее на скорость, чем на грубую силу.

Лицо я помнила прекрасно: резкие скулы, тонкие губы, шрам над правой бровью. При свете кристаллов шрам казался белым, как снег. Нос прямой, с лёгкой горбинкой. Волевой подбородок с ямочкой посередине. Тёмные выющиеся волосы свободно падали до лопаток, и одна прядь легла на лицо, небрежно закрывая часть шрама.

Но взгляд всё равно тянулся к глазам. Янтарным. Они светились в полумраке собственным светом, не факельным отражением, а внутренним, глубинным огнём. Полоз следил за

мной без отрыва, и я чувствовала этот взгляд на себе, как прикосновение холодной стали. Наши глаза встретились — и тело вспомнило раньше, чем я успела приказать себе не реагировать.

Тяжёлый воздух. Чужое «спи». Собственные руки и ноги, которые внезапно перестали мне подчиняться. На мгновение мышцы напряглись сами собой, и почти возникло желание отвернуться. Нет. Я не собиралась до конца жизни шарахаться от его глаз, как от открытого огня. Если он снова решит отнять у меня власть над собственным телом — это будет его выбор. А отводить взгляд каждый раз только потому, что я боюсь, — уже мой. Поэтому я не отвернулась и удержала взгляд.

Красивый. Чёрт бы его побрал. Красивый, как хорошо заточенный клинок. И примерно настолько же безопасный.

На нём не было одежды, скорее её намёк. Через плечо шла широкая перевязь из тёмной кожи, на которой крепились ножны с длинным клинком. Рукоять клинка была обмотана серебряной проволокой, и на навершии красовался крупный янтарь, такой же тёплый, как его глаза. Другой одежды практически не было. Открытая грудь, руки, хвост.

Видимо, Владыка нагов не нуждался в доспехах. Он сам неплохо справлялся с этой ролью.

Только после этого я заметила троих старцев возле трона. Они стояли полукругом у возвышения. Чешуя у всех потускнела от возраста, глаза были мутными, будто затянуты-

ми тонкой плёнкой. И смотрели они на меня так внимательно, что кожа между лопатками неприятно похолодела. Не как на человека. Как мясник на тушу, прежде чем решить, с какой стороны начинать разделку. Ну и компания.

Я остановилась на расстоянии, которое сама сочла достаточно безопасным. Полоз слегка наклонил голову и его янтарные глаза сузились.

— Ярослава, — произнёс он.

Его низкий голос, с лёгкой шипящей хрипотцой, разнёсся по залу, отражаясь от стен глубоким эхом.

— Подойди.

Я сделала шаг. Потом ещё один. И остановилась, скрестив руки на груди.

— Уже подхожу. Видишь, какая послушная.

Один из старейшин недовольно зашипел. Я не удержалась от лёгкой улыбки. Самый старый из троих скользнул взглядом по моему лицу, волосам, рукам. Мне этот взгляд не понравился.

— Ярослава, дочь Родислава, из рода Златогорки, по ветви Велимира, — произнёс он наконец. Голос его казался сухим и скрежещущим, словно камнем провели по камню.

На имени Златогорки в зале что-то изменилось.

До этого меня рассматривали почти откровенно. Теперь взгляды вдруг стали осторожнее. Один из старейшин замер, положив ладонь на навершие посоха. Другой быстро перевёл глаза с меня на Полоза. Крайний едва заметно подобрал

под себя виток хвоста, будто невольно увеличивая расстояние между нами. Ничего явного. Никто не отшатнулся, не выругался, не испугался настолько, чтобы это можно было назвать страхом. Трое стариков по-прежнему стояли с тем спокойным достоинством, какое бывает у тех, кто привык решать чужие судьбы. И всё же что-то изменилось. Я слишком много лет торговалась с заказчиками, чтобы не замечать таких мелочей. Иногда человек становится особенно неподвижным именно тогда, когда изо всех сил старается не выдать реакцию. Я не знала, что именно их насторожило — я, мой род или одно только имя Златогорки. Но одним презрением здесь явно не пахло.

— Приятно познакомиться, — сказала я. — А вы кто? Местный совет ветеранов?

Старик не оценил. Его губы сжались в тонкую линию, а черты лица заострились. Очевидно, чувство юмора в подземное царство не завезли.

— Дерзззкая, — прошипел он. — Как всссе люди.

— А вы ожидали, что я буду ползать на коленях? — осведомилась я. — Так я, знаете ли, на колени не становлюсь. Спина не та.

— Ярослава. — Голос Владыки разрезал воздух, как хлыст. — Замолчи.

Я повернулась к нему.

— А если нет? Отправишь обратно? Я не против.

Двое старейшин зашипели одновременно. Удивительно

слаженно.

— Если не замолчишь, я запру тебя в покоях до самой свадьбы.

Я даже руки опустила.

— Свадьбы? — переспросила я.

Он ничего не ответил.

— Ты серьёзно?

Старейшины зашептались между собой. Тот, что стоял ближе всего к трону, сделал шаг вперёд. Чешуя у него была серебристой, почти бесцветной.

— Владыка, — обратился он к Полозу, будто меня в зале вообще не существовало. — Дом обязан убедиться.

Владыка медленно перевёл на него взгляд.

— В чём, Ашшур?

Так вот как звали этого нага. Имя я сразу запомнила.

— В крови. Родословные говорят одно. Кровь может сказать другое. Дом должен знать, действительно ли перед нами женщина той ветви, с которой связан старый договор.

Я посмотрела сначала на Ашшура, потом на остальных. Потом снова на него.

— Постойте. То есть вы сначала притащили меня сюда, объявили невестой, а теперь решили проверить, ту ли женщину украли?

Впервые Ашшур посмотрел прямо на меня.

— Проверка не определяет, способна ли ты пройти обряд, госпожа.

Я нахмурилась.

— А что она тогда определяет?

— Имеет ли твоя кровь отношение к старому договору.

Несколько секунд я молчала, пытаюсь уложить его слова в голове.

— А если не имеет?

— Тогда ты не принадлежишь к договорной ветви.

— И меня отправят домой?

На губах старика мелькнуло что-то, слишком похожее на усмешку. Совсем немного, но я увидела.

— Для обряда достаточно человеческой невесты.

У меня внутри что-то неприятно провалилось вниз.

Вот как. Значит, дело вообще не в том, что без моей крови их драгоценный ритуал невозможен. Им подошла бы другая женщина. Не обязательно я. Не обязательно кто-то из рода Златогорки. Любая человеческая невеста. Тогда какого чёрта они полезли именно за мной?

Я медленно повернула голову к Владыке. Его лицо ничего не выражало, оставаясь непроницаемым.

— Если вам всё равно подошла бы другая, зачем понадобилась именно я?

Никто не ответил. И это молчание понравилось мне ещё меньше всего сказанного до него.

Ашшур первым нарушил тишину.

— Старый порядок требует подтверждения,

— Порядок, — повторила я. — Очень удобное слово.

Он чуть поднял подбородок.

— Кровь должна быть пролита собственной рукой.

Я прищурилась.

— То есть я всё-таки могу отказаться?

На этот раз пауза была короткой.

— От проверки — да, госпожа.

Я едва не рассмеялась.

— Надо же. Первый выбор за два дня.

— От решения Дома о твоём положении отказ ничего не изменит.

Улыбка исчезла сама.

Ну конечно. Вот теперь всё снова стало на свои места. Я могла не давать им кровь. Я могла отказаться от проверки. Могла потребовать отвести меня обратно в покои и остаться с теми же вопросами, с которыми пришла сюда. Почему меня искали? Почему при имени Златогорки эти старики вдруг начали следить за каждым движением? Почему для ритуала подходит любая женщина, но Владыка пришёл именно в мой дом? Если моя кровь была причиной, по которой меня выдернули из собственной жизни, я хотела увидеть, что в ней такого.

— Хорошо, — сказала я. — Проверяйте.

Ашшур сделал короткий знак рукой.

Из-за колонны появились двое слуг, которых я раньше не заметила. Они несли тяжёлую чашу из чёрного обсидиана — широкую, неглубокую, без всякого сияния и прочих чудес.

Обычный каменный сосуд, по краю которого тянулась резьба из переплетённых змей, похожих на тех, что украшали трон. Слуги поставили чашу на низкую каменную подставку и отступили.

Я посмотрела внутрь. Пусто.

— И что дальше?

— Яд Дома, — произнёс Ашшур.

Я медленно подняла глаза.

Яд.

Слово он произнёс так буднично, будто сказал «вода».

Владыка поднялся с трона. Хвост с тихим шелестом скользнул вниз по ступеням, и через несколько мгновений он оказался возле чаши. Остальные старейшины не приблизились. Один, наоборот, едва заметно отодвинулся. Это я тоже заметила.

Полоз склонился над чашей и приоткрыл рот.

Я уже видела его клыки. По крайней мере, до этой минуты мне казалось, что видела. Сейчас они начали удлиняться прямо у меня на глазах. Тонкие белые концы медленно вышли из дёсен и стали длиннее человеческих зубов настолько, что мне вдруг стало очень легко представить, как они входят в кожу. На миг я перестала слышать шорох одежд и тихое дыхание старейшин. Взгляд прилип к этим клыкам сам собой.

Вчера эти клыки были гораздо ближе ко мне, чем мне сейчас хотелось вспоминать.

По спине пробежал холодок. Не тот вязкий ужас, что накрыл меня после его «Спи», а Просто очень ясное животное понимание: передо мной существо, которому не обязательно носить оружие, чтобы убить человека. И всё же взгляд я не отвела.

У основания одного клыка, там, где в белой поверхности угадывалась тонкая тёмная жилка, медленно набухла капля. Густая. Тёмно-янтарная. Она росла, тяжело вытягиваясь вниз, и в свете кристаллов казалась почти золотой.

Красиво.

Мне тут же стало противно от самой мысли.

Капля сорвалась и ударилась о дно чаши с таким тихим звуком, что в наступившей тишине он показался неожиданно громким.

Я ожидала, что яд растечётся по камню, но он остался плотным, вязким, собрался маленькой янтарной лужицей, будто обычные законы жидкостей к нему относились лишь отчасти.

Полоз выпрямился. Клыки ещё несколько мгновений оставались длинными, потом медленно ушли обратно. Я поймала себя на том, что проследила за этим до конца.

После этого он взял с края подставки короткий нож. И, прежде чем передать его мне, развернул в руке. Лезвием к себе. Рукоятью ко мне.

Я почему-то обратила на это внимание. Совершенно обычное движение. Так передают острый инструмент чело-

веку, которого не собираются случайно порезать. Я сама всю жизнь подавала ножи и шилья рабочим концом от чужой ладони. Ничего особенного.

Только от того, кто вчера одним словом отнял у меня власть над собственным телом, даже эта обыкновенная осторожность ощущалась странно.

Не доброта. Не забота. Просто правильное обращение с инструментом.

И всё же я это запомнила.

— Кровь, — сказал Владыка.

— Да догадалась уже.

Я взяла нож.

Рукоять была костяной, обмотанной сыромятным ремешком. Клинок лёг в руку удобно — хороший баланс, ровная заточка. Я машинально оценила работу.

Хороший нож.

И ладонь я им резать точно не собиралась. Мне этими руками ещё работать, если я вообще когда-нибудь выберусь отсюда.

Я задрала левый рукав платья выше локтя и выбрала место на внутренней стороне предплечья.

— Этого хватит?

Ашшур кивнул.

Я провела лезвием по коже. Неглубоко.

Боль полоснула сразу — резкая, горячая. Я стиснула зубы и подождала, пока на коже выступит кровь, затем поднесла

руку к чаше.

Первая капля сорвалась вниз. Потом вторая. Третья. Они упали прямо в густой янтарный яд.

Несколько ударов сердца ничего не происходило. Я подняла глаза и встретила взглядом с Ашшуром. Он ждал.

В его мутных глазах мелькнуло ожидание. И что-то ещё — слишком спокойное, почти довольное. Он хотел, чтобы ничего не произошло. Мысль пришла внезапно и сразу показалась правильной.

Вот ведь гад.

А затем тёмный янтарь на дне чаши дрогнул. По поверхности прошла тонкая серебряная нить. Потом вторая. Я невольно наклонилась ближе. Нити расплзались от капель моей крови, ветвились, соединялись друг с другом, пока весь яд не покрыл серебристый узор — тонкий, сложный, похожий на мороз на зимнем стекле. Тишина стала такой глубокой, что я услышала собственное дыхание.

Я посмотрела на Ашшура. Удовлетворение на его лице исчезло. Совсем.

Один из старейшин слишком быстро перевёл взгляд на Владыку. Другой застыл, всё ещё держа ладонь на навершии посоха, сжимая его сильнее. И та самая осторожность, которую я заметила после произнесенного имени Златогорки, вернулась — только теперь её было труднее принять за что-то другое.

Я снова посмотрела на серебряный узор в чаше. Потом на

них.

До этой минуты ещё можно было убеждать себя, что я всё надумала.

Теперь — нет.

Они боялись.

Не самой проверки. Не того, что обряд сорвется — Ашшур только что сам сказал, что для него подошла бы любая человеческая невеста. Они испугались именно тогда, когда моя кровь оказалась той, которую искали.

Но почему? Из-за меня? Из-за рода? Из-за Златогорки? Или чего-то, что эта кровь означала для них и о чём мне никто не собирался рассказывать?

Ашшур заговорил первым.

— Кровь подтверждена.

Три слова. Вот и всё.

Ни «невеста». Ни «должница». Только кровь.

Я опустила рукав на предплечье и прижала ткань к порезу.

Нож всё ещё оставался у меня. Полоз протянул руку. Я посмотрела на его ладонь, потом на клинок — и, сама не вполне понимая зачем, развернула клинок так же, как он несколько минут назад: лезвием к себе, рукоятью к нему.

Не знаю, заметил ли он. Я заметила.

Слуги подошли к чаше и унесли её так же бесшумно, как принесли. Никаких поклонов. Никакой торжественности. Будто моя кровь только что не превратила содержимое сосуда в серебряную паутину и не заставила троих стариков

впервые за всё время потерять невозмутимость.

Ашшур проводил чашу взглядом, а потом повернулся к Владыке.

— Эта дева — кровь рода предательницы. Ты уверен, что Дом должен рисковать?

В зале сразу стало слишком тихо. Никто не зашипел. Никто не усмехнулся. Один из старейшин медленно опустил руку с посоха, другой снова посмотрел на Полоза. Вот теперь сомнений не осталось. Имя Златогорки значило здесь гораздо больше, чем мне когда-либо рассказывали дома.

— Ашшур, — произнёс Владыка. — Ты забываешься.

— Я лишь напоминаю о традиции, Владыка. Последняя человеческая невеста хоть и выполнила долг, но после обряда она не продержалась и месяца.

У меня похолодели пальцы.

— Последняя невеста? — переспросила я. — Что значит «не продержалась»?

Ашшур посмотрел на меня впервые как на человека и это было ещё хуже. В его лице мелькнуло почти удовлетворение. Он хотел, чтобы я услышала.

— Достаточно, — сказал Владыка.

Я резко повернулась к нему.

— Я хочу услышать ответ! — крикнула я.

— Не здесь.

— Почему? Потому что ваши старейшины случайно проговорились?

Янтарные глаза сузились.

— На сегодня достаточно.

В его голосе не было крика, но по коже всё равно пробежали мурашки. Никто из троих не возразил вслух. Ашшур склонил голову, только глаза остались поднятыми. И смотрел он на меня так, будто уже получил то, чего хотел.

Владыка оказался рядом со мной быстрее, чем я успела понять, что он двинулся. Его пальцы сомкнулись на моей руке и я сразу почувствовала холодную чешую даже через ткань.

— Эй — возразила я.

Но он уже вёл меня к выходу. Я могла бы дёрнуться. Наверное. Но за спиной остались трое стариков, и почему-то сейчас мне хотелось оказаться от них подальше не меньше, чем от Владыки.

Мы вышли из зала под тихий шёпот. И до самых дверей я чувствовала их взгляды между лопаток.

~~~

В коридоре я остановилась сама, высвободив руку.

— Что случилось с предыдущей невестой?

— Не твоего ума дело, — отрезал Полоз, но я заметила, как напряглись его плечи.

Он продолжал двигаться в сторону выделенных мне покоев, не оглядываясь.

— А если я настаиваю?

Он остановился так резко, что я едва не врезалась в него.

Развернулся. Янтарные глаза встретились с моими, и по позвоночнику мгновенно прошёл знакомый холод. Я помнила, что случилось в прошлый раз. Слишком хорошо. Но теперь взгляд не отвела.

— Она умерла, Ярослава, — сказал он. — Потому что не смогла принять этот мир. Ты хочешь той же участи?

Мне понадобилось мгновение, чтобы слова обрели смысл. Умерла. Не уехала. Не вернулась домой. Умерла здесь.

— Я хочу знать правду.

— Правда в том, что ты здесь. И обратного пути нет.

Я смотрела на него, пытаюсь придумать ответ, который не выдал бы, насколько сильно эти слова ударили. Не получилось. Он уже хотел отвернуться, когда я спросила:

— От чего она умерла?

Кончик его хвоста едва заметно дёрнулся. Вот только сейчас я начала понимать, насколько выразительной может быть эта часть тела, если знать, куда смотреть.

— После обряда она перестала есть, — сказал он после паузы. — Почти не спала. Перестала разговаривать. Через несколько недель её не стало. Мы называли это тоской.

Я почувствовала, как внутри поднимается холодная злость.

— Удобное слово.

Он повернул голову.

— Что ты хочешь сказать?

— Что если человека похитить, запереть под землёй и от-

нять у него всё, смерть от «тоски» звучит почти как способ не замечать причину.

На мгновение его лицо застыло и стало совершенно неподвижным.

— Ты ничего о ней не знаешь.

— Зато я уже многое знаю о вас.

Он приблизился всего на полшага. Этого оказалось достаточно, чтобы тело сразу напряглось.

— Не испытывай моё терпение, Ярослав.

Я подняла подбородок.

— А ты не испытывай моё.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих ударов сердца. На этот раз мне не хотелось шутить. В горле у меня стоял ком. Гнев мешался со страхом, а под ними тяжёлым грузом лежало бессилие — оттого, что он опять говорил о моей жизни так, словно решение уже принято, а меня самой в нём нет. Я могла спорить. Кричать. Плевать ему в лицо. Но всё это не меняло одного: дверь домой оставалась где-то далеко, а он стоял передо мной и был уверен, что её больше не существует.

— Я хочу домой, — сказала я наконец. Никакого сарказма. Никакой колкости. Просто правда.

Он посмотрел на меня. На одно короткое мгновение между нами повисла тишина, выражение его лица изменилось так слабо, что я не успела понять, что это было.

— Дороги назад нет.

Он произнес это ровно. Спокойно. Будто от этого слова станут менее страшными.

После он довёл меня до покоев и оставил у двери. Каменная плита закрылась, и замок щёлкнул внутри стены.

Снова тюрьма.

Я ещё некоторое время стояла, прижавшись лбом к холодному камню, и слушала, как за дверью удаляется тихий шорох его хвоста, пока звук не исчез совсем. Только тогда я оттолкнулась от стены. Страх смешивался с гневом в тугой, болезненный узел где-то в животе. И к этому ощущению прибавился еще и голод, от которого сжался желудок, напоминая, что я не ела почти сутки. Прижав ладонь к животу, я устало закрыла глаза. Не показывать слабость перед Владыкой ещё можно было понять. Но голодать назло ему, находясь одной в комнате, уже начинало напоминать идиотизм.

Я отошла от двери и опустилась прямо на пол, прислоняясь спиной к стене. Мысли ворочались тяжело, как камни. Глупо. Всё это глупо. Я — кожевенная мастерица из Змеино-го Угора, а теперь сижу в подземной тюрьме, в платье для хвостатых, запертая, как мышь в банке.

Перед глазами всё ещё стоял тронный зал. Трое старейшин, их холодные, оценивающие взгляды. И этот советник с серебряной чешуёй, Ашшур, который назвал меня «кровью предательницы». Полоз сказал об этом ещё вчера: «Златогорка из твоего рода заключила договор с нашим Домом. По закону именно на тебе лежит долг, который она когда-то

приняла». Я тогда отмахнулась, не поверила — подумала, что очередная попытка запугать. Но теперь к его словам прибавилось слишком многое.

«Кровь подтверждена».

И следом — «предательница».

Не «жертва». Не «должница». А именно «предательница».

Слова крутились в голове, как обрезки ремня на столе, из которых никак не складывается нужная деталь.

Я нахмурилась, глядя на свои руки. На запястьях всё ещё атели следы от магических пут, а под рукавом неприятно тянул свежий порез. О Златогорке в семье говорили мало. Знахарка. Видящая. Говорили, она жила на отшибе, лечила травмами и принимала роды. Старики утверждали, что она умела заговаривать змей. Я считала это деревенской приправой к старой истории.

Теперь в сказки я верила несколько охотнее.

Но если Златогорка действительно заключила договор с нагами, почему здесь её называли предательницей? Кого она предала? Людей? Нагов?

И ещё одно никак не укладывалось в голову.

Ашшур сам сказал: для их обряда достаточно человеческой невесты.

Значит, если бы моя кровь оказалась не той, Дом всё равно мог использовать меня так же, как использовал других женщин до меня. Или найти другую. Для продления их силы

моя родословная была не нужна.

Тогда зачем Владыка пришёл именно за мной?

Зачем им понадобилась ветвь Велимира? Зачем искать род, к которому принадлежала Златогорка, если для самого обряда это ничего не меняло?

И почему Ашшур почти улыбался, пока ждал результата — а потом перестал?

Я вспомнила, как бабка крестилась, когда речь заходила о Златогорке. Как тётя Груня однажды обмолвилась: «Не во все истории стоит совать нос, Яра». Я тогда подумала, что она про сплетни. А теперь...

Кровь подтверждена. Предательница.

И ещё то, как изменились старейшины. Сначала — когда прозвучало имя Златогорки. Потом — когда серебро проступило в чаше. Застывшая ладонь на посохе. Быстрые взгляды. Слишком аккуратная неподвижность. До проверки я ещё могла убедить себя, что просто надумала лишнего.

Теперь — нет.

Они испугались.

Не того, что я окажусь бесполезной для их обряда. Наоборот. Они испугались, когда выяснилось, что я именно та, кого они искали.

Но чего? Меня? Моей крови? Самой Златогорки? Старого договора? Или того, что моё появление могло напомнить об истории, которую здесь предпочли бы оставить мёртвой?

Я потёрла ладонями лицо.

— Что ты сделала, Златогорка? — прошептала я в пустоту. — Кого ты предала? Или что пообещала?

Ответа не было. Только кристаллы тихо мерцали в стенах, как глаза. Очень содержательный собеседник.

Я тяжело выдохнула и запрокинула голову к стене. Вопрос становилось всё больше, а спрашивать было почти некогда. Владыка явно не собирался рассказывать больше необходимого. Старейшины смотрели на меня как на проблему, которую хотелось бы решить без моего участия. Слуги либо молчали, либо шипели вслед.

Но если я хочу выбраться отсюда, придётся понять, куда именно я попала. И почему. Нужны книги, записи, свитки — что угодно, где может быть записана эта история. Во дворце такого размера должна быть библиотека или архив. Вопрос только в том, как до них добраться. Я уже начала обдумывать это, когда почувствовала запах.

Он плыл по комнате — густой, сладковатый, с кислинкой, которая щекотала ноздри. Я повернула голову.

На столике у стены стоял поднос. Утром его точно не было. Значит, пока меня вели к Полозу, сюда кто-то входил. Первая мысль была не о еде. Я вскочила, подошла к ложу и почти сразу опустилась на колени. Пальцы нашли знакомую щель. Свёрток был на месте. Я облегченно выдохнула. Не нашли. Только после этого я вновь поднялась на ноги и медленно подошла к столику. На подносе была еда.

Еда выглядела настолько странно, что на несколько се-

кунд я забыла о голоде.

В центре стояла глубокая чаша из тёмно-зелёного камня, почти прозрачного по тонкому краю. Внутри находился густой бульон с перламутровым отливом, словно в него добавили растолчённый жемчуг. От него поднимался пар и запах знакомых горьковатых трав — тех самых, что были в воде купели. На плоском блюде лежали тёмно-фиолетовые плоды размером с крупную сливу. На кожице серебрился тонкий налёт, похожий на иней. Рядом лежала гроздь продолговатых ягод, светившихся изнутри слабым голубым светом.

Ну конечно. У нагов даже ягоды не могли просто быть ягодами.

На краю подноса стоял кувшин из такого же камня, что и чаша, и низкий стакан. Прозрачная жидкость внутри него едва заметно искрилась. Приборы тоже оказались непривычными — костяная ложка и что-то вроде вилки всего с двумя широкими зубцами.

Я смотрела на еду и чувствовала, как ненависть и голод борются внутри меня. Упрямство требовало не брать у них ничего. Голод довольно резонно напоминал, что умереть от голода в знак протеста — плохой план побега.

Голод победил.

Есть хотелось до дрожи. Но полностью доверять неизвестной еде я всё-таки не собиралась. Сначала я понюхала воду, смочила ею губы и подождала. Потом сделала крошечный глоток. Ничего. После этого попробовала ложку бульо-

на и снова немного подождала. Впрочем, если наги действительно захотят меня отравить, вряд ли выберут яд, который честно выдаёт себя первым глотком или запахом. После сегодняшней чаши с янтарной жидкостью я вообще перестала считать себя специалистом по местным ядам. Но уморить себя голодом вместо них было бы совсем уж глупо.

Я села на край ложа, скрестив ноги, и поставила на них поднос. Взяв ложку, зачерпнула суп. Он оказался густым, почти как сливки, с лёгким привкусом грибов и чего-то орехового. Суп был тёплым, обволакивающим, и каждый глоток медленно расходился по пустому желудку приятным теплом. Тело отреагировало раньше гордости и я тут же захотела ещё. Я ела и злилась на себя за то, что мне нравится. Я отправила в рот ещё ложку. Потом ещё.

Закончив с супом, я взяла один из фиолетовых плодов. Кожица оказалась упругой, я надкусила ягоду и сок брызнул на подбородок. Внутри мякоть была тёмно-красной, почти винной, с мелкими семечками, чем-то похожими на гранатовые. Михаил однажды привозил гранаты из Города, и тогда мы с Груней полвечера спорили, как вообще есть плод, в котором семечек больше, чем мякоти. Этот был слаще. Вишня, лёгкая терпкость и что-то дымное. Я доела. Светящиеся ягоды оказались кислее. После них язык холодило мятой так сильно, будто я разжевала целую горсть листьев.

Не хотелось признавать, но наги умели готовить.

Я вернула пустую посуду на поднос и откинулась назад,

опираясь ладонями на ложе. Голод отступил, и на его место пришла спокойная, почти сонная ясность.

Закончив, я вернула поднос на столик. Затем подошла к ложу и достала из щели свёрток. Осколок лёг на ладонь тяжёлым холодным камнем. Серебряная прожилка в слоистом изломе всё ещё слабо мерцала.

Сегодня они подтвердили одно. Кровь того рода действительно была во мне. И старейшины этого боялись. Я провела пальцем рядом с острой кромкой.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Раз для обряда вам подошла бы любая, а понадобилась именно я, значит, я узнаю почему.

Осколок я спрятала обратно.

Теперь у меня было две задачи.

Найти правду.

И вернуться домой.